
Н. В. СИНИЦЫНА

Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека

(К постановке вопроса)

С середины XVI в., когда Максим Грек умер, и вплоть до нашего времени вряд ли можно назвать хотя бы одно десятилетие, которое не откликнулось бы на творчество или личность Максима Грека, хотя эти отклики различны по содержанию и глубине проникновения: создание нового списка сочинений Максима Грека, возникновение нового собрания его сочинений с включением новых, неизвестных ранее читателям текстов, составление новой редакции сказания о нем, жития, т. е. по существу биографии, использование трудов Максима Грека в идейной борьбе — в XVI—XVIII вв.; публикация текстов его сочинений, исследования, освещающие разные стороны его деятельности, этапы его судьбы — в XIX—XX вв.

Восприятие и освоение сочинений Максима Грека последующими поколениями характеризует одно из направлений, одну из струй преемственной связи между древнерусской литературой и культурой последующего времени. Здесь не было разрыва или перерыва, но, напротив, продолжалось накопление культурных ценностей; непреходящий интерес к творчеству и личности Максима Грека сохраняли читатели и XVI, и XVII, и XVIII вв. Многими нашими знаниями о Максиме Греке мы обязаны любовному и бережному отношению к его наследию именно людей XVIII в., сохранивших для нас то, что недоступно в более ранних списках.

Круг деятельности Максима Грека, его интересы были широки и разнообразны, и отклики на его творчество, личность встречаются в поздних исторических и литературных памятниках, разнообразных по происхождению и содержанию. Поэтому работа о Максиме Греке должна иметь своим объектом, помимо его биографии, системы воззрений, связи с эпохой, и ряд других аспектов: его влияние на Курбского, значение переводческой деятельности, вклад в развитие филологических знаний, литературную историю сказаний о нем и его жития, использование его сочинений в идейной борьбе последующего времени и т. д.¹ Однако необходимой предпосылкой такого рода исследований должен быть критический анализ всех известных источников, т. е. источниковедческая работа, рассматривающая

¹ Интересное исследование эволюции иконографии Максима Грека предприняла О. А. Белоброва: К вопросу об иконографии Максима Грека — ТОДРЛ, г. XV. М—Л, 1958, стр. 301—309

последовательные этапы эволюции огромного рукописного наследия Максима Грека в течение XVI—XVIII вв.

Такое исследование не может быть осуществлено в рамках небольшой отдельной статьи, поэтому данная работа, ни в коей мере не претендуя на полноту изложения, ставит своей задачей наметить лишь основные контуры эволюции корпуса сочинений Максима Грека, судьбы его рукописного наследия и истории постепенного освоения древнерусским читателем всего его богатства. Кроме того, будет коротко охарактеризована одна из сторон использования его сочинений в идеологической борьбе последующих веков — обращение к полемике Максима Грека с представителями «латинского Запада».

Очень важен вопрос о методике изучения рукописной традиции, эволюции произведений древнерусской литературы. Обычно эта рукописная традиция становится предметом рассмотрения лишь в археографическом обзоре, и более поздние списки признаются ценными в том случае, если содержат в себе те или иные элементы, не известные в ранних. При этом не учитывается, что здесь очень часто содержится материал, имеющий вполне самостоятельное значение для характеристики мировоззрения автора. При глубоком и всестороннем анализе взглядов любого писателя и публициста средневековья недостаточно исходить просто из всей суммы его сочинений в том виде, как они доступны современному обозрению, недостаточно даже в том случае, если рассматривать эти сочинения не как единый застывший комплекс, а учитывая эволюцию автора и связь его сочинений с последовательными этапами его жизненной судьбы. Необходимо знать не только то, что писал автор, но и — как его читали, что и когда читали из написанного им, какие именно его идеи оказывались созвучными тому или иному поколению; при этом характеристика личности, взглядов писателя может приобрести новые, подчас неожиданные черты.

Современный исследователь, обращаясь к литературе и культуре прошлого, при всем своем теоретическом понимании специфики интеллектуального облика ее деятелей, группирует и субординирует различные стороны их мировоззрения и мировосприятия в неизбежном соответствии с собственным типом мышления, собственными историко-философскими представлениями. Скорректировать современное восприятие в известной степени помогает изучение того, как усваивали и воспринимали того или иного автора современники и последующие поколения, стоящие к нему более близко, чем мы (однако из этого отнюдь не следует, что большая временная близость обязательно означает большую степень адекватности).

Более поздние рукописи имеют значение не только тогда, когда содержат тексты или сведения, неизвестные в более ранних списках, близких по времени автору; они представляют интерес и как памятники своего времени, надо только выяснить, какая духовная атмосфера, какие потребности социально-политической и идеологической борьбы вызвали их к жизни. Но эту связь нельзя характеризовать механически, прямолинейно; иногда она прослеживается очень отчетливо, иногда она более тонка и трудно уловима.

В работе С. А. Блокурова дан весьма ценный и для того времени полный перечень всех рукописей, содержащих сочинения и переводы Максима Грека, известия и сказания о нем, и краткая (а в некоторых случаях — более подробная) характеристика этих рукописей; расположены рукописи не в хронологической последовательности, а по хранилищам.

Этот перечень не потерял значения и в настоящее время, большинство рукописей было выявлено на его основе.²

Всего С. А. Белокуровым было учтено 243 рукописных сборника, из них 83 сборника, целиком состоящих из сочинений Максима Грека, около 100 списков переводов толковой псалтыри, толкового апостола и бесед Иоанна Златоуста на евангелия от Матфея и Иоанна; остальные сборники содержат отдельные сочинения и переводы Максима Грека, сказания и известия о нем.

В первую очередь были исследованы сборники, целиком состоящие из произведений Максима Грека; к 83 сборникам С. А. Белокурова (6 из них обнаружить не удалось) прибавилось около 20 сборников, не известных ему; в настоящее время, таким образом, известно около 100 сборников сочинений Максима Грека (не считая сборников смешанного состава, включающих его тексты, — число их огромно).

Классификация сборников по составу (количество и характер расположения сочинений) и по текстологическим признакам показывает, что существовало несколько собраний сочинений Максима Грека, осуществленных в течение XVI, XVII, XVIII вв. и представленных большим или меньшим числом списков.

Первый этап, точнее, исходный момент в истории рукописного наследия Максима Грека — прижизненный, оразивший составительскую работу самого Максима Грека;³ существует несколько рукописных сборников середины XVI в., содержащих его собственноручную авторскую правку. Основные предпосылки будущей эволюции корпуса его сочинений были созданы им самим.

На рубеже 30—40-х годов Максим Грек составил краткое, в 12 глав, собрание сочинений с целью доказать свою полную догматическую ортодоксальность, несправедливость выдвинутых против него обвинений в еретичестве и порче богослужебных книг. Если это собрание вызвано обстоятельствами его личной судьбы, то собрания, составленные на рубеже 40—50-х годов XVI в., связаны с политической и идеологической борьбой времени «начала царства», «правительства компромисса», избранной рады, на идейную близость Максима Грека деятелям которой исследователи указывали неоднократно.⁴ Это — собрание в 47 глав (Иоасафовское) и Хлудовское собрание в 73 главы, состоящее из двух частей: 1—25 и 26—73 глав; возможно, первая часть этого собрания отражает более раннее самостоятельно возникшее собрание сочинений в 25 глав. Сочинения, помещенные в этих собраниях, способствовали формированию и оформлению как официальной политической идеологии, так и этико-философской ортодоксии господствующей церкви, использующей в известной степени византийское идеологическое наследие.

² С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Когда статья находилась в печати, вышла в свет работа А. И. Иванова «Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуция. Биография» (Л., 1969), где автор дает перечень всех произведений Максима Грека, указывает, в составе каких сборников XVI—XVIII вв. сохранилось каждое из них, кратко его характеризует, приводит ценные библиографические сведения. Обзор трудов ученого афонца сделан по тематическому принципу, а не в хронологической последовательности возникновения его сочинений или объединения их в комплексы — собрания сочинений, поэтому подробный анализ работы выходит за пределы нашей темы.

³ Подробная характеристика этого этапа в статье Н. В. Сеницыной «Кодикологический анализ первых рукописных сборников сочинений Максима Грека» (печатается в «Археографическом ежегоднике» за 1971 г.).

⁴ См.: В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I, Л., 1934, стр. 5—120; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 63 и др.

Собрания в 47 и 73 главы сохранились в значительном числе списков XVI—XVIII вв.⁵

Следующий этап в освоении литературного наследия Максима Грека, относящийся к концу XVI в., связан с учреждением патриаршества в России.⁶ Интерес к Максиму Греку вызван и тем, что в своих сочинениях он ставил вопросы, связанные с автокефальностью русской церкви (о поставлении митрополитов), и тем, что в судьбе Максима Грека принимали участие вселенские патриархи — константинопольский и александрийский, и тем, что своими сочинениями он способствовал распространению в России греческой, православной ортодоксии, идей отцов церкви, что приобретало немаловажное значение в связи с учреждением московской патриархии.

В 1587 г. составляется новое собрание сочинений Максима Грека. Хотя оно не включает новых текстов и основано на соединении двух прежних собраний — Иоасафовского и Хлудовского, тем не менее здесь представляет интерес выбор текстов (57 глав из 73 ранее известных), а также их расположение, группировка.⁷

С именем вологодского архиепископа Ионы Думина можно связать собрание рубежа 80—90-х годов XVI в. Оно основано на соединении двух — Иоасафовского в 47 глав и второй части Хлудовского (тех текстов этой части, которые отсутствуют среди первых 47 глав).⁸ Включены также новые тексты: 1) грамоты патриархов Дионисия и Иоакима 1544 и 1546 гг. о Максиме Греке (их включение в особенности заслуживает интереса в связи с учреждением патриаршества и приходом Иеремии II),

⁵ *Собрание в 47 глав. Основной вид (47 глав):* 1) ГБЛ, ф. 173, МДА фонд, № 42, до 1556 г.; 2) ГБА, ф. 173, III, № 138, до 1556 г.; 3) ГБА, МДА фонд, № 153, кон. XVI в.; 4) ЦГАДА, ф. 201, № 48, кон. XVI в.; 5) ГПБ, Погод. 1142, кон. XVI—нач. XVII в.; 6) ГИМ, Барс. 362, XVII в.; 7) ГБА, Муз. 3159, XVIII в.; перечень глав см.: Леонид Сведенне о славянских рукописях... находящихся в библиотеке Московской духовной академии, вып. II, М., 1887, стр. 224—232. *Собрание в 73 главы. Основной вид (73 главы):* 1) ГИМ, Хлуд. 73, 1563 г. (1-я часть); 2) ГБА, Больш. 285, до 1556 г. (2-я часть); 3) ГБА, Муз. 3010, XVII в.; 4) ГБА, Овчинн. 132, XVII в. Перечень глав см.: А. Попов. Описание рукописей... библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 150—158. В результате присоединения к главам основного вида новых сочинений возникли новые, более расширенные виды этого собрания. *Никифоровский вид (95 глав):* 1) ГБА, Никиф. 79, XVII в.; 2) ЦГАДА, ф. 181, № 585, XVII в.; 3) ГПБ, Погод. 1144, XVII в.; 4) ГИМ, Щук. 537, кон. XVII—нач. XVIII в.; 5) ГБА, Егор. 1198, XVIII в. Перечень глав см.: А. И. Якимирский. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. П. Щукина, вып. 1, М., 1896, стр. 117—126. *Бурисвский вид (69 глав с дополнениями, состоит из нескольких разновидностей):* 1) БАИ, 1.5.97, 80-е годы XVI в.; 2) ГБА, Муз. 8290, XVII в.; 3) ГПБ, ОАДП, 0.15, XVIII в.; 4) ГБА, Прянишн. 136, XVIII в.; 5) БАН, 11.9.15, кон. XVI в.; 6) Вильнюсская публичная библиотека, ОР, № 249, XVII в.; 7) ГБА, Рум. 265, XVII в.; 8, 9) ГПБ, Соф. 1200, 1201, XVIII в.; 10) ГБА, Костромск. 32, XVIII в.; 11) ГБА, Тихонр. 632, XVIII в. Перечень глав см.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 374—380.

⁶ О роли патриарха Иова в реабилитации памяти Максима Грека см.: О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека, стр. 303.

⁷ ГБА, Унд. 487. Перечень глав см.: [В. М. Ундольский.] Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 349—356. Другие списки: ГИМ, Увар. 29, кон. XVI в.; БАИ, Арханг. Д. 42, кон. XVI—нач. XVII в. ГПБ, Ф. I. № 250, кон. XVI—нач. XVII в.; ГИМ, Увар. 41, XVII в.; ГБА, Фад. 28, посл. четв. XVIII в.

⁸ ГБА, Егор. 869 и ГИМ, Увар. 310. Перечень глав см.: П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1844, стр. 200—211. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. I, М., 1893, стр. 212—221. Другие списки: ГИМ, Увар. 309, 90-е годы XVI в.; ГБА, Егор. 207, нач. XVII в.; ГИМ, Увар. 166, нач. XVII в.; ГБА, Унд. 490, 3-я четверть XVIII в.

2) антилатинские сочинения Максима Грека — его послания Ф. И. Карпову по поводу идеи соединения церквей и об астрологии.⁹

Соловецкое собрание, появившееся в конце XVI в., также основано на соединении разных частей Иоасафовского и Хлудовского.¹⁰

Собрания XVI в. включали менее 100 сочинений Максима Грека.¹¹

Новый этап в освоении литературно-публицистического наследия Максима Грека наступил в XVII в. В начале XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре было составлено собрание сочинений Максима Грека в 151 главу, куда было включено большое число новых текстов; значительная роль в этом предприятии принадлежит троицкому архимандриту Дионисию Зобниновскому.¹² Интерес к творчеству Максима Грека вызван, по-видимому, ростом национального самосознания, общим национальным подъемом в связи с событиями начала XVII в.

В XVII в. составляются еще два собрания — собрание в 112 глав¹³ и собрание в 139 глав, сохранившее (первые 12 глав этого собрания) первоначальное собрание сочинений Максима Грека в 12 глав, появившееся на рубеже 30—40-х годов и не дошедшее до нас в виде отдельного целостного сборника.¹⁴

Специального рассмотрения требуют старообрядческие собрания сочинений Максима Грека, составленные в последней четверти XVII в. (на основе Соловецкого собрания конца XVI в.) и дополненные в XVIII в. новыми сочинениями, неизвестными в более ранних собраниях.

* * *

Один из аспектов использования сочинений Максима Грека в идейной борьбе последующего времени — обращение к его полемике с представителями «латинского Запада». Особенной популярностью пользовались «слова на латин» Максима Грека,¹⁵ представляющие собой его послания Ф. И. Карпову, написанные в связи с католической пропагандой Николая Булева (Немчина) и дипломатической борьбой вокруг вопроса о возможности вступления России в антитурецкую коалицию христианских государств и присоединения к Флорентийской унии.

С конца XVI в. они помещаются или используются в печатных изданиях, связанных с полемикой вокруг вопроса об унии в Литве, Белорус-

⁹ Сочинения Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, стр. 235—322, 399—434, 347—376.

¹⁰ Списки конца XVI в.: ГПБ, Сол. 497, 496, 494; ГПБ ОЛДП, 0.176; ГПБ, Погод. 1140, перв. пол. XVII в.; ГПБ, Соф. 1236, сер. XVIII в.

¹¹ Здесь не учитывается прижизненное собрание, сохранившееся в единственном списке ГБЛ, Рум. 264. Сборник содержит правку рукой Максима Грека.

¹² ГБЛ, Троицк. 200. Перечень глав см.: [Арсений]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, стр. 194—207. Другие списки: ЦГАДА, ф. 201, № 49, кон. XVII—нач. XVIII в.; ГИМ, Увар. 311—кон. XVIII в.

¹³ ГИМ, Синод. 491. Перечень глав см.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотечки, отд. II, ч. 2, М., 1859, стр. 520—578. Другие списки: ГПБ, Погод. 1139, перв. пол. XVII в.; ГПБ, Погод. 1146, втор. пол. XVII в.; ГБЛ, Унд. 489, XVII в.; ГБЛ, Муз. 622, XVIII в.; ГБЛ, Муз. 9626, XVIII в.

¹⁴ Списки XVII в.: ГИМ, Муз., 3809; ГБЛ, Тр., 201; ЦГАДА, ф. 201, № 50; ГБЛ, Егор., 250; БАИ, 32.14.1 (собрание царевича Алексея Петровича № 4). Перечень глав см.: В. И. Срезневский, Ф. И. Покровский. Описание рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук, т. II, Пгр., 1915, стр. 70—81. [Арсений]. Описание славянских рукописей, стр. 207—216.

¹⁵ Сочинения Максима Грека, ч. 1, стр. 235—322.

сии и на Украине, оказавшись созвучными идейной борьбе украинских и белорусских братств за национальную независимость, против попыток пап и католической церкви вовлечь их в сферу своего религиозного, культурного и политического влияния. А. И. Соболевский считал, что сочинения Максима Грека сделались известными в юго-западной Руси благодаря А. М. Курбскому.¹⁶ В первой половине XVII в. эти сочинения были переведены на белорусский и латинский языки.

В сочинении сотрудника князя Константина Острожского Василия Суражского «О единой истинной православной вере» (1588 г.) используются «слова на латинов» Максима Грека, автор прямо указывает на них как на свой источник; опустив начало послания с обращениями лично к Ф. И. Карпову, он излагает (цитируя или пересказывая) аргументацию Максима Грека.¹⁷

Эти же сочинения Максима Грека были напечатаны отдельно, по-видимому, в 1618 г., в типографии Киево-Печерской лавры.¹⁸

Около 1620 г. в «Книге о вере» киевского издания, направленной главным образом против протестантов (составителем и автором ее считают Захария Копыстенского),¹⁹ помещено второе слово на латинов Максима Грека, переведенное на белорусский язык.²⁰ В «Палинодии» того же автора, одном из памятников полемической литературы (1621—1622 гг.), упоминается имя Максима Грека как одного из защитников православия.²¹

В «Кирилловой книге», изданной в 1644 г.,²² «слова на латинов» Максима Грека также занимают значительное место.

Помещение «слов на латинов» Максима Грека в составе «Кирилловой книги» дало повод к переводу их на латинский язык Юрием Крижаничем.

Отношение Юрия Крижанича к Максиму Греку составляет важную страницу в истории освоения и усвоения идейного наследия Максима Грека читателями XVII в. В жизненной судьбе Юрия Крижанича и Максима Грека было некоторое внешнее сходство: они оба были широко образованными для своего времени людьми, оба были в России иностранцами, оба писали в России и о России, оба были здесь осуждены и много лет находились в заточении, причины которого в обоих случаях остаются исследователям не совсем ясными. Отношение Юрия Крижанича к Максиму Греку не было односторонним: противник Крижанича в его борьбе против «схизматиков», Максим Грек используется им в качестве союзника в выступлениях против старообрядцев.

Крижанич обращался к творчеству Максима Грека дважды — в Риме и в Тобольске. Известно, что в 1647 г. Юрий Крижанич был в Москве

¹⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 280.

¹⁷ РИБ, т. VII («Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 2). СПб., 1882, стлб. 601—715. О Василии Суражском см.: М. Грушевський. Історія України—Руси, т. VI. Київ—Львів, 1907, стр. 489, 493—494; М. Возняк. Історія української літератури, т. II, ч. I. Львів, 1921, стр. 127, 201. Я. Ісаєвич. Першодрукар Іван Федоров на Україні, Київ, 1964, стр. 19. Богословскую сторону трактата Василия Суражского высоко оценил Иван Вишенский, см.: Історія української літератури у восьми томах, т. I. Київ, 1967, стр. 236.

¹⁸ Преподобного Максима Грека слово на латинов... Б. м., б. г. (Київ? 1618?).
¹⁹ См.: Історія української літератури у восьми томах, т. I, стр. 272; В. З. Завитневич. Палинодія Захарія Копыстенського и ее місце в історії западноруської полеміки XVI і XVII вв. Варшава, 1883, стр. 276—285.

²⁰ Книга о вере. Б. м., б. г. (Київ, ок. 1620), стр. 230 и сл. (2-й отдел).
²¹ РИБ, т. IV (Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 1). СПб., 1878, стлб. 912.

²² О ней см.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 326; И. П. Еремин. К истории русско-украинских литературных связей в XVII в.—ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 291.

в составе польского посольства Адама Киселя и, вероятно, приобрел здесь «Кириллову книгу». В июле 1648 г. он сообщил секретарю конгрегации пропаганды веры в Риме, на службе которой он находился, о своем намерении опровергнуть это сочинение «схизматиков» на том же языке, на каком оно напечатано, а в апреле 1650 г. уведомил, что закончил свою «Апологию» и хотел бы напечатать ее на греческом и русском языках.²³ Однако публикация не состоялась. Сама «Апология», по-видимому, не сохранилась, но сохранился осуществленный Юрием Крижаничем перевод на латинский язык текстов «Кирилловой книги» и среди них — сочинений Максима Грека. Рукопись находится в Риме.²⁴

Юрий Крижанич ссылался на Максима Грека в другом своем труде — «Обличение соловецкой челобитной», написанном в 1675 г. в тобольской ссылке и направленном против старообрядцев.²⁵ Здесь он проводил параллель между Максимом Греком и патриархом Никоном в деле исправления богослужебных книг. Если старообрядцы в своем утверждении, что Никон «веру искажил», пытались опереться на авторитет Максима Грека и его книг, написанных по дониконовским правилам, то Юрий Крижанич, возражая им, напоминал о том, что противники Максима Грека, осудившие его, выдвигали против него те же обвинения, которые против Никона выдвигают старообрядцы — произведенное Максимом Греком исправление богослужебных книг, в результате которого он «искажил» веру русских чудотворцев; поэтому старообрядцы, по мысли Ю. Крижанича, почитая Максима Грека, фактически следуют за теми, которые его ненавидели и называли еретиком. Юрий Крижанич, таким образом, обнаруживая мастерство опытного полемиста, опровергает своих противников ссылками на лицо, пользующееся у них авторитетом.

Обстоятельства осуждения Максима Грека были известны Крижаничу из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, в которой были напечатаны «слова» Максима Грека об исправлении богослужебных книг; «Грамматику» как свой источник Ю. Крижанич называет сам; о существовании собрания сочинений Максима Грека ему было известно, но он, по его собственным словам, не видел его («а мню, и обильнее быти написано в его книге, ея же аз не видех»). Опровергая учение старообрядцев о «трикратной аллилуйе», Ю. Крижанич, следуя за «Жезлом правления» Симеона Полоцкого, ставит под сомнение принадлежность Максиму Греку текста, на который ссылались старообрядцы, и снова пишет о том, что не знаком с «книгой» Максима Грека («Аз бо книги Максимовы не видех, но от попа Лазаря прях сие писание»)²⁶.

²³ См.: С. Л. Белокуров. Юрий Крижанич в России (по новым документам) (вып. 1). М., 1901, стр. 67, 242—264; вып. 3, М., 1909, стр. 22—24.

²⁴ Впервые об этом кратко сообщил И. Кукулевич-Сакцинский (см.: *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku*, knj. X, u Zagrebu, 1869, стр. 32). В. Ягич опубликовал подробное оглавление рукописи (см.: *Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnost*, knj. XVIII, u Zagrebu, 1872, стр. 195—199). Более подробно см.: М. Соколов. Новооткрытое сочинение Ю. Крижанича о соединении церквей. — Материалы и заметки по старинной славянской литературе, вып. II, СПб., 1891. Сочинения Максима Грека в составе Кирилловой книги и перевод их на латинский язык исследовал Б. Шульце (B. Schultze. *Maksim Grek als Theologe*. — *Orientalia Christiana Analecta*, vol. 167, Roma, 1963).

²⁵ См.: Ю. Крижанич. 1) Собрание сочинений, вып. 3, М., 1892; 2) Обличение на соловецкую челобитную. Казань, 1878. См. также: (С. К. Смирнов). Сербского попа Юрия Крижанича опровержение соловецкой челобитной. — Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе: ч. XXI, М., 1860, стр. 503—593.

²⁶ Ю. Крижанич. 1) Собрание сочинений, вып. 3, стр. 146—149, 160—164; 2) Обличение на соловецкую челобитную, стр. 91—94, 108—112.

Юрий Крижанич, проведя параллель между Максимом Греком и патриархом Никоном (вопрос об ее правомерности оставляем пока открытым), сделал едва ли не первую попытку исторической оценки деятельности Максима Грека (по крайней мере одной из ее сторон), пытаясь поставить ее в связь с явлениями последующего времени, отстоящими от Максима Грека на целое столетие.²⁷

* * *

Имя Максима Грека было известно и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. Всестороннее исследование его места в литературе, в истории русской общественной мысли, его вклада в культуру последующего времени требует совокупных усилий литературоведов, лингвистов, историков.

²⁷ Отметим, что Шлецер сравнивал свои планы изучения древнерусского летоисчисления с деятельностью Максима Грека по исправлению богослужебных книг. См. Б. А. Модзалевский К биографии Августа-Людвига Шлецера — ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1, СПб., 1903, стр. 199.